

УДК 81'27 - 116

**СОЦИУМНЫЕ ТОПЫ «ОПРЕДЕЛЕНИЕ», «ПРИМЕР»,
«СВИДЕТЕЛЬСТВО», «СИМВОЛ»**

В.А. Садикова

Тверской государственной университет, г. Тверь

ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО, СИМВОЛ представляют собой социумные топы, так как их наличие обусловлено не столько природой человека, сколько природой общества и взаимодействием людей.

Ключевые слова: *структурно-смысловые модели, топы, социальный опыт, общение, определение, пример, свидетельство, символ.*

Некоторые ученые (Э. Дюргейм и другие представители французской социологической школы; частично Л.С. Выготский) считают, что категории как таковые имеют исключительно логический смысл и формируются только благодаря социуму, недооценивая индивидуальную природу человека, его врожденные (прирожденные) способности к языку и мышлению. Однако мы полагаем, что формирование *первичных* категорий, таких как ДЕЙСТВИЕ, ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, ЧАСТЬ и ЦЕЛОЕ, ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ и др. начинается с момента рождения, потому что возможность их формирования обусловлена природой человека [13, с. 66–72]. Постепенно эти категории трансформируются, совершенствуются в сознании и помогают индивидууму приспособиться к обществу, позволяя накапливать жизненный опыт и осваивать средства общения, прежде всего язык.

В то же время есть и такие языковые категории (они же – структурно-смысловые модели, топы), которые мы также относим к «вершинным» [14], но для формирования которых *необходим уже накопленный определенный социальный и речевой опыт.* Это ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО и СИМВОЛ. Именно они в первую очередь «изобилуют социальным содержанием» [3, с. 213].

Эти структурно-смысловые модели могли возникнуть только в относительно зрелый период развития человечества и в связи с формированием социальных структур общения, поэтому их можно полагать *социумными.* Это также и *ментальные* структуры, так как их использование требует *сознательного отбора фактов, умения обобщать, некоторого осмысления* собственного жизненного опыта, *определенного опыта общения и знания* других людей, их поступков и способов мышления. Эти топы можно считать *вторичными* структурно-смысловыми моделями, потому что они функционируют на базе всех других топов.

В самом деле: «ПРИМЕР – ссылка на более конкретный, особо яркий случай как на момент более абстрактного предметного содержания с целью лучшего освещения и пояснения такового» [16, с. 363]. Уже из этого определения следует, что в самом общем виде ПРИМЕР базируется на КОНКРЕТНОМ и АБСТРАКТНОМ и – посредством цели – устанавливает связи между АБСТРАКТНЫМ и КОНКРЕТНЫМ. Ю.В. Рождественский совершенно справедливо рассматривает ПРИМЕР как средство диалектической аргументации [12, с. 280–281], считает, что «с точки зрения риторического изобретения аргументация примерами – основная» [цит. раб., с. 284], и именно на основе ПРИМЕРОВ выводит возможные типы риторического изобретения [цит. раб., с. 288]. Часто ПРИМЕРЫ представляют собой фрагменты повествования (если в качестве ПРИМЕРА актуализируется «случай из жизни»), но они могут быть и очень краткими, равными ИМЕНИ, если предшествующая ситуация, общий дискурс или фоновые знания общающихся это позволяют.

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ – понятие, по содержанию и объему отграниченное от др. понятий. Определение понятий называется *детерминацией*. <...> Определенность сущего состоит в том, что в нем может быть (категориальная определенность) высказано» [16, с. 319]. С точки зрения теории высказывания, построенной на топике, ОПРЕДЕЛЕНИЕ можно было бы охарактеризовать как развернутое ИМЯ сущности. В повседневной речевой практике степень постижения сущности всегда относительна, так как обусловлена актуальной ситуацией и целями общения. ОПРЕДЕЛЕНИЕ – как одна из структурно-смысловых моделей высказывания – не может ограничиваться только родовидовыми отношениями, но способно практически выражаться через любые другие отношения-топы, от нового – оценочного – ИМЕНИ (*мечта – путеводная звезда*), до СИМВОЛА (*он – Манилов!*) Отсюда и детерминация, сопровождающая функционирование топа ОПРЕДЕЛЕНИЕ в естественном речевом общении, – это не только «добавление признаков к более общему понятию (родовое понятие), благодаря чему возникает видовое понятие» [16, с. 131], но любая актуальная в данной ситуации и для данных общающихся характеристика предмета общения, построенная на выделении соответствующих параметров, реализующихся в высказывании тем или иным способом. На родовидовых отношениях основываются многие научные дефиниции в словарях. Этот способ составления ОПРЕДЕЛЕНИЯ полагается наиболее типичным, однако в реальной практике даже в словарях далеко не все определения даются именно через родовидовые отношения, но любое определение – от самого научного до самого бытового – всегда оформляется по той или иной структурно-смысловой модели (топу). Например: «Прозелитизм – стремление обратить других в свою веру» (Определение через интенциональное ИМЯ ДЕЙСТВИЯ), «воровство душ» (метафорическое определение, новое ИМЯ, основан-

ное на СОПОСТАВЛЕНИИ). Еще более разнообразны ОПРЕДЕЛЕНИЯ, которые мы даём предметам, событиям, реалиям, *актуально* для нас существующим «здесь и сейчас». Это может быть и традиционное родовидовое ОПРЕДЕЛЕНИЕ: «Счастье – чувство и состояние полного, высшего удовлетворения» [10, с.772], и ОПРЕДЕЛЕНИЕ по ПРИЗНАКУ, который говорящий полагает самым главным, для того, чтобы достичь такого состояния: «Счастье – это когда тебя понимают» (причем ПРИЗНАК выражается здесь через ДЕЙСТВИЕ); и ОПРЕДЕЛЕНИЕ через ИМЯ ДЕЙСТВИЯ: «Счастье – это соучастие в добрых человеческих делах» (Н. Заболоцкий). Но для того, чтобы могли возникнуть второе и третье высказывания, необходимо, чтобы в сознании общающихся существовало знание, понимание первого ОПРЕДЕЛЕНИЯ (социально концептуального). И тогда первое высказывание есть ОБЩЕЕ, а второе и третье – ЧАСТНЫЕ высказывания.

Таким образом, в реальной речевой практике родовидовые отношения часто присутствуют имплицитно, но они основа для взаимопонимания говорящих, которые имеют полную свободу выражения собственного мнения по тому или иному поводу при помощи всего многообразия структурно-смысловых моделей (топов). Без ОБЩЕГО знания родовидовых отношений говорящий был бы лишен возможности презентовать другому человеку своё *отношение* к предмету общения. В речи функционируют не понятия, а концепты, а в спонтанном бытовом общении – *индивидуальные* концепты, которые мы «доносим» до собеседников посредством разнообразно построенных топов-ОПРЕДЕЛЕНИЙ.

Необходимость ОПРЕДЕЛЕНИЙ как способа обмена мнениями, как выявление позиции собеседника была оценена еще Сократом/Платоном. Практически в каждом диалоге Платона все рассуждения-действия базируется на ОПРЕДЕЛЕНИЯХ: в «Софисте» – это определение софиста, в «Теэтете» – определение знания, в «Федре» – определение любви и т.д. Современный ученый дополняет ОПРЕДЕЛЕНИЕ *объяснением*: «Соответствующим определению видом (трансформированным для достижения психологических целей – простоты, доступности, интереса и т.д.) является объяснение» [9, с. 88]. Объяснение не составляет самостоятельной структурно-смысловой модели, но представляет собой (в указанных В.В. Одинцовым целях) *трансформированное* ОПРЕДЕЛЕНИЕ, т.е. переведённое в другой топ, в другую (или *другие, многие*) структурно-смысловую модель. Собственно, и В.В. Одинцов признает *объяснение* трансформированным ОПРЕДЕЛЕНИЕМ. Имея в распоряжении знание топики, мы можем в каждом конкретном случае выявить, как именно происходит эта трансформация (анализ), или определить заранее, как построить (при помощи каких топов) свое высказывание, чтобы быть понятным именно этой аудитории в данной конкретной ситуации. В.В. Одинцов приводит пример такого трансформиро-

ванного ОПРЕДЕЛЕНИЯ: «Если дать циркулю произвольный раствор и, поставив одну ножку острием в какую-нибудь точку *O* на плоскости, вращать его вокруг этой точки, то описываемая на плоскости непрерывная линия, все точки которой одинаково удалены от точки *O*, называется окружностью» [там же]. Автор сравнивает это определение с традиционным и приходит к справедливому мнению, что трансформированное определение более доступно, например, школьникам. Зная топику, легко понять, что это *трансформационное определение* дано посредством описания КОНКРЕТНЫХ ДЕЙСТВИЙ и более наглядно.

СВИДЕТЕЛЬСТВО в современном философском энциклопедическом словаре отсутствует. В толковом словаре Ожегова: «СВИДЕТЕЛЬСТВО – 1. показания лица, бывшего свидетелем чего-н. 2. То, что подтверждает, удостоверяет какое-л. событие. 3. Документ, удостоверяющий что-либо. Свидетельство о рождении, напр.» [10, с. 694]. Эти определения для *общающихся* недостаточны, хотя из них следует, что СВИДЕТЕЛЬСТВО принадлежит не только языку, но и бытию.

Как структурно-смысловая модель, СВИДЕТЕЛЬСТВО – ссылка на авторитетное лицо, чаще всего дословное цитирование его идей, мыслей. Это КОНКРЕТНОЕ чужое (реже – своё, сказанное ранее) высказывание, приведённое по поводу, актуальному для одного из говорящих, часто переосмысленное. Происходит как бы *законное* присваивание чужого высказывания со ссылкой на источник. Цель этого топа в том, чтобы подтвердить собственную мысль чужими словами (подтекст: я не один так думаю). Главное, чтобы приведённое СВИДЕТЕЛЬСТВО принадлежало человеку, авторитетному в глазах собеседника.

В некоторых литературоведческих и лингвистических работах рассматривается *место* «цитаты» в чужом тексте. Эту проблему называют «текст в тексте». Например, А.И. Калыгин всерьез выясняет, является ли цитата элементом сразу двух текстов, или принадлежит одному, и какому именно: тому, из которого взята, или тому, в который интегрирована [4, с. 111]. Нам представляется очевидным: выбор фрагмента чужого высказывания и включение его в свою речь имеет целью подтвердить собственную точку зрения. Это «не текст в тексте» (такая формулировка предполагает их равноправность и не отражает *цель* цитирования), а топ СВИДЕТЕЛЬСТВО. С точки зрения топики, СВИДЕТЕЛЬСТВО, полагаем, может рассматриваться как разновидность ПРИМЕРА, как ПРИМЕР в ментальной сфере, как *пример мысли, содержательно мне близкой*. Чаще это действительно дословно изложенная чужая мысль, цитата, но возможно и изложение «своими словами» (с обязательной ссылкой на автора). В то же время хотим подчеркнуть, что не только в научной работе, но и в бытовой жизни мы часто ссылаемся на авторитетные высказывания или мнения, и первое из них пришло нам в голову, вероятно, еще в детстве: *А мама сказала «можно»* (если папа до

этого сказал «нельзя»). Таким образом, топы ПРИМЕР и СВИДЕТЕЛЬСТВО – *синтетические* (внутренняя структура каждого из них может соответствовать любому другому топу) и *социальные*: ПРИМЕР связан с «подражанием» другим людям, но уже не на интуитивном уровне, как в самом раннем детстве, а вполне сознательно; СВИДЕТЕЛЬСТВО есть использование высказываний других людей в своих целях.

«СИМВОЛ (от греч. *symbolon*) – отличительный знак; образ, воплощающий какую-либо идею; видимое, реже слышимое образование, которому группа людей придает особый смысл, не связанный с сущностью этого образования. <…> Повседневная жизнь человека наполнена символами, которые напоминают ему что-л., воздействуют на него, разрешают и запрещают, поражают и покоряют. Всё можно считать только символом, за которым скрыто еще нечто другое» [16, с. 413].

Мы не берем во внимание научные символичные системы – символы в физике, химии, математике, «поскольку символика числа – это символика совершенно иного логического типа, чем символика речи» [5, с. 690], хотя и «в любой системе специального назначения <…> символы предназначаются для того, чтобы выделять вещи, реальные вещи» [19, с. 161]. В естественном же языке и обычном общении СИМВОЛ возвращает нас к ИМЕНИ, знаку и концепту. *СИМВОЛ – это концептуально обогащенное и социологизированное ИМЯ, т.е. знак, обобщающий социальный опыт и так называемые фоновые знания людей.* Это может быть и вещь, которую конкретный человек наделяет большим значением, чем она значит сама по себе (волосы как амулет, черная кошка) [15, с. 107–108], и предмет, специально созданный для того, чтобы означать нечто другое – духовное и важное для всех людей, общества, государства (герб, флаг). Иногда символ отождествляется со знаком: «В сущности, все общество проникнуто соединительной тканью знаков: денежные купюры, государственные гербы и флаги, вывески и торговые марки, наконец, просто произносимые слова – все они семиотичны» [1, с. 165]. Вероятно, в определенном контексте это возможно. Тем не менее, лингвистами предпринимались попытки дифференцировать *знак* и *символ*, разобраться в их принципиальном различии на основе их коммуникативных функций. Например, Е.Л. Гинзбург, с одной стороны, полагает, что «знак есть некоторое обобщение символа» [2, с. 85], с другой стороны, только знаку присуща системность, «обусловленная внутренне (в отличие от символа)» [цит. раб., с. 83]. Рассматривая общие свойства знака и символа, автор называет их «символическими средствами языка». Ссылаясь на О. С. Ахманову, Ю. М. Лотмана, А. М. Пятигорского и др., выделяет среди них те, которые в первую очередь связаны с социумом: социальная апробированность, различимость и воспроизводимость, выполнение социальных (обобщения и общения, вообще познавательных и магических) функций и т.д. [цит. раб., с. 83–84]. С комму-

никативной теснейшим образом связана познавательная функция языка, и в ней знаки, как считает Е.Л. Гинзбург, выполняют *все* функции: «назывную, описательную (*включая оценочную*) и заместительную, связанную с обобщением, формированием абстракций», тогда как «символы, например, наделены только назывной и заместительной функцией» [цит. раб., с. 82]. Нам представляется такое разграничение слишком отвлечённым, а потому не вполне соответствующим истине. Сам же автор в качестве разновидностей символов называет не только эмблему, но и имена собственные [2, с. 85]. Но если это не слова типа *макинтош* или *галифе*, в которых утрачена внутренняя форма, а *Обломов* или *Дон Жуан*, то в таких символах *оценка* определенно присутствует. На наш взгляд, целесообразно *не включать оценочную функцию в описательную*. Быть *описательным* СИМВОЛ не может по определению (даже если он представляет собой развернутое предложение типа *Аннушка уже разлила подсолнечное масло*), так как его значение не может быть тождественно поверхностному смыслу предложения. «Символ – окно к другой сущности, не данной непосредственно» [17, с. 302].

С нашей точки зрения, семиотичны *все* структурно-смысловые модели (топы). Но чтобы вполне понять *специфику* структурно-смысловой модели (топа) СИМВОЛ, недостаточно отождествлять его со знаком. «Нам ведь постоянно приходится подчеркивать *специфику* строения различных символических форм – мифа, языка, искусства, религии, истории, науки» [5, с. 702]. Мы говорим о специфике символической формы в языке, где СИМВОЛ входит в язык и функционирует в речи на правах одной из «вершинных» языковых категорий и структурно-смысловых моделей. Для этого важно понять, как он формируется, как вообще возможно образование СИМВОЛА.

Еще А.А. Потебня отмечал, что «содержание слова способно расти» [11, с. 180], а для этого необходима социальная среда. Учёный убедительнейшим образом показывает, как происходит «сгущение мысли» (через «появление внутренней формы» и последующее «забвение внутренней формы» слова), «расширяя сознание, сообщая возможность движения большим мысленным массам» [цит. раб., с. 211]. В процессе забвения и сгущений, трансформаций, приобретений и утрат в языке «истина, добытая трудом многих поколений, потом легко даётся даже детям»; в конце концов «можно вовсе не сознавать ни действия, ни качества» [там же], что и происходит. Так формируется и изменяется язык в целом, все его *слова-ИМЕНА*, не только СИМВОЛ. Но *ИМЯ* вещи есть *одновременно* и СИМВОЛ, если «вещь рассматривается не просто как вещь, а как вещь, способная проявиться в других вещах, и, больше того, как вещь, максимально выражающая всякие возможности ее воплощённости в иных вещах» [6, с. 229]. «Близость основных признаков, которая видна в постоянных тождественных выражениях, была и между *назва-*

ниями символа и обозначаемого предмета. Калина стала символом девицы [в песне] потому же, почему девица названа красною; по единству основного представления огня-света в словах: *девица, красный, калина* [11, с. 222]. А.А. Потебня не только приводит замечательные примеры символов, но и делает очень важный обобщающий вывод: «Главных отношений символа к определенному три: *сравнение, противоположение и отношение причинное*» [там же. Курсив мой. – В.С.]. Как видим, А.А. Потебня тоже мыслит в топических отношениях. Таким образом, наработанный многими поколениями *путь образования символа* сегодня, безусловно, достояние каждого индивидуума. Мы не задумываемся, как его (символ) создать, потому что в нашем распоряжении готовая структурно-смысловая модель СИМВОЛ; мы не задумываемся, как его понять – по той же причине. Важно только быть членом своего общества и «героем» своего времени.

Исследователь творчества Э. Кассирера, в основном посвященного философии естественного языка, Б.А. Фохт пишет: «Для решения основных проблем языка определяющими являются два понятия: во-первых, – понятие *символической формы*, во-вторых, – понятие *значения* (значимости), которые оба коренятся в свою очередь в еще более основном понятии *бытия*» [18, с. 761]. Приоритеты, как видим, расставлены: бытие – основа всего. И далее: «... основные понятия науки и философии не являются и не мыслятся более как пассивные отображения раз навсегда данного бытия, но принимаются как самостоятельные, создаваемые мышлением *интеллектуальные символы*, находящие себе выражение в языке, и без этого выражения не возможные и не реальные» [там же]. Автором подчеркивается связь СИМВОЛА с бытием и смыслом (значимостью), что бесспорно. Мы же хотим подчеркнуть, что «самостоятельные, создаваемые мышлением символы» начинаются в естественном языке и бытовом общении, *и только поэтому* «основные понятия науки и философии» способны не быть «пассивным отображением раз и навсегда данного бытия». В определенном смысле любой научный термин есть символ. ПРИМЕР формирования *культурного СИМВОЛА* дает Э. Кассирер:

«Тридцать пять лет назад в Египте под развалинами дома был найден древний папирус. На нем было несколько записей, которые казались заметками адвоката или государственного нотариуса, касающимися его дел, – наброски завещаний, юридические контракты и т.д. С этой точки зрения папирус принадлежал просто материальному миру; ни исторического значения, ни, так сказать, исторического существования он не имел. Но тогда же под первым текстом был открыт второй, в котором были узнаны остатки четырех дотолее неизвестных комедий Менандра. С этого момента природа и значение этого свитка круто изменились. Это уже был не “кусочек материи”, – папирус стал историческим документом величайшей ценности и ин-

тереса. Он стал свидетельством важной стадии в развитии древнегреческой литературы. <...> Он стал символом, а этот символ дал нам новый взгляд на греческую жизнь и греческую поэзию» [5, с. 648].

В реальном живом бытовом общении каждый из нас способен создавать сиюминутные, подходящие для нас «здесь и сейчас» символы, основанные на общем с собеседниками знании. Например: *Я не кот Леопольд, чтобы все время вас мирить* (СИМВОЛ – всем известный популярный герой из мультфильма); *Аннушка уже разлила подсолнечное масло* (СИМВОЛ – фраза из всем известного романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Если в первом примере СИМВОЛ (*кот Леопольд*) включен в высказывание, то во втором примере *все предложение* есть одновременно СИМВОЛ и высказывание, и чтобы понять его конкретный смысл, т.е. *почему* этот СИМВОЛ использован, надо знать конкретную ситуацию, в которой это высказывание прозвучало.

Некоторые ученые расширяют значение СИМВОЛА, рассматривая практически любое слово, употребленное в очень обобщённом смысле, любой *намек на другую сущность*, как символ. Например, Л.А. Новиков, давая лингвистический анализ маленькой трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери», пишет: «Многозначный, неясный, тревожащий душу символ *что-нибудь такое* <...> начинает постепенно конкретизироваться <...>: (Внезапный мрак иль) *что-нибудь такое – Мне день и ночь покоя не дает // Мой черный человек. За мною всюду // Как тень он гонится. Вот и теперь...*» и т.д. [7, с. 50]. В другой своей работе Л.А. Новиков отмечает наличие *сверхобразных символов* в творчестве Андрея Белого:

«Орнаментальная проза А. Белого характеризуется не только обычными, но и сверхобразными символами, так сказать, символами второго порядка, где в качестве внешнего образа выступает не предмет, а слово как элемент второй сигнальной системы. <...> Такие символы не только бессознательно "кивают", но и психологически и даже физиологически ощутимы: *Читатель! "Вдруг" знакомы тебе. Почему же, как страус, ты прячешь голову в перья при приближении рокового и неотвратного "вдруг"?* <...> *Иногда же чуждое "вдруг" поглядит на тебя из-за плеч собеседника, пожелая снюхаться с "вдруг" твоим собственным.* <...> (А. Белый. Петербург. Л. Наука, 1981: 263)» [8, с. 141].

Обращение А. Белого к читателю с символическим «вдруг» возможно только потому, что такое употребление естественно для обычного общения: *Никаких "вдруг" быть не может! Что значит "никогда"? Не корми меня этими "завтра"...* и т.д. «Символ-слово» представляет собой «обобщение индивидуального (и вместе с тем – достаточно сходного для всех) опыта» [цит. раб., с. 142]. СИМВОЛ, возможно, самая креативная и ёмкая структурно-смысловая модель. И поэтому «... сами символы не приводятся в языке в систематизированный вид», служа в

самом общем виде для «синтезирования многообразия» [5, с. 691]. СИМВОЛ как структурно-смысловая модель есть диалектически понимаемая *часть* топической системы языковых категорий наряду с другими топами. Может быть, именно в этой структурно-смысловой модели имеет место наиболее органичное единство логического и образного, на что указывает и внутренняя форма *symbolisch, sinnbildlich* – буквально: *выражение смысла через образ* [цит. раб., с. 713].

Таким образом, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО, СИМВОЛ представляют собой *социумные* топы, так как их наличие обусловлено не столько природой человека, сколько «природой» общества и взаимодействием людей. Другими словами, они не «прирождены» (Декарт) индивидууму, а «рождаются» в обществе.

Список литературы

1. Брудный А.А. Коммуникация: существование и сущность [Текст] / А.А. Брудный // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи. – М. : Смысл, 2008. – С. 162–172.
2. Гинзбург Е.Л. Знаковые проблемы психолингвистики [Текст] / Е.Л. Гинзбург // Основы теории речевой деятельности. – М. : Наука, 1974. – С. 81–05.
3. Дюргейм Э. Социология и теория познания [Текст] / Э. Дюргейм // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – Часть I. – М. : Просвещение, 1964. – С. 212–256.
4. Калыгин А. И. Цитата как иконический знак [Текст] / А.И. Калыгин // Вестник Московского государственного университета. – Сер. 9. Филология. – 2008. – № 2. – С. 109–112 .
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке [Текст] / Э. Кассирер. – М. : Гардарики, 1998. – 787 с.
6. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос [Текст] / А.Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 958 с.
7. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ [Текст] / Л.А. Новиков. – М.: Русский язык, 1988. – 304 с. – (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного).
8. Новиков Л.А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого [Текст] / Л.А. Новиков. – М. : Наука, 1990. – 181 с.
9. Одинцов В.В. Стилистика текста [Текст] / В.В. Одинцов. – М. : Наука, 1980. – 264 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – 7-е изд., стереотипное. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – 900 с.
11. Потенция А.А. Эстетика и поэтика [Текст] / А.А. Потенция. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.

12. Рождественский Ю.В. Теория риторики [Текст] / Ю.В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1997. – 597 с.
13. Садикова В.А. Толика: история, теория, практика: монография [Текст] / В.А. Садикова. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2009. – 188 с.
14. Садикова В.А. Толика как система «вершинных» языковых категорий [Текст] / В.А. Садикова // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке : сб. науч. тр. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С.144–153.
15. Садикова В.А. Миф, мнение, концепт и толика [Текст] / В.А. Садикова // Вестник Тверского государственного университета. – Сер. Филология. – 2010. – № 5. – Вып. 3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 102–118.
16. Философский энциклопедический словарь [Текст] / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 576 с. – (Библиотека словарей «ИНФРА-М»)
17. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях [Текст] / П.А. Флоренский; фамильный фонд Флоренских. – М. : Прогресс, 1993. – 324 с.
18. Фохт Б.А. Понятие символической формы и проблема значения в философии языка Э. Кассирера [Текст] / Б.А. Фохт // Э. Кассирер. Опыт о человеке. – М. : Гарадарики, 1998. – С. 761–764.
19. Хомский Н. О природе и языке [Текст] / Н. Хомский ; пер. с англ. П.В. Феденко. – М. : КомКнига, 2005. – 288 с.

SOCIAL MEDIUM TOPICS

"DETERMINATION", "EXAMPLE", "EVIDENCE", "SYMBOL"

V. A. Sadikova

Tver State University, Tver

DETERMINATION, EXAMPLE, EVIDENCE, SYMBOL can be regarded as social medium topics, being mostly embedded not in the nature of individuals but in the nature of society and the interaction of individuals.

Keywords: *structured-semantic models, topic, social experience, contact, determination, example, evidence, symbol.*

Об авторе:

САДИКОВА Валентина Алексеевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры общего и классического языкознания Тверского государственного университета, e-mail: vsadnik46@mail.ru